DOI: 10.17117/no.2015.03.037

Поступила (Received): 12.05.2015

<http://ucom.ru/doc/no.2015.03.037.pdf>

pedagogika@uspu.ru

Дорохова Т.С.

Ментальные основания отечественной социокультурной мысли конца XIX – начала XX вв.

Dorohova T.S.

The mental Foundation of domestic social and cultural thought in the late XIX – early XX centuries

В статье делается попытка посредством анализа взглядов русских философов конца XIX – начала XX веков выявить ментальные основания отечественной социокультурной мысли указанного периода. Основанием для выбора периода является тот факт, что большинством мыслителей того времени он характеризуется как кризисный, переломный. Для отечественной социокультурной мысли кризис усугубился глубокими социально-политическими катаклизмами, вызванными октябрьской революцией. Непринятие многими отечественными мыслителями революции привело к эмиграции, что актуализировало для них тему изучения национального менталитета. Оговоримся, что в статье не делалась попытка провести анализ понятий «ментальность» и «менталитет» и подходов к их определению. Автор придерживается позиции, согласно которой понятия «менталитет» и «ментальность» как общее и частное. Это позволило говорить и ментальных основаниях отечественной культуры, выделяемых мыслителями и ментальных характеристиках собственно личности мыслителей, которые прослеживаются в их взглядах на российскую историю, культуру, собственно менталитет. В статье рассматриваются взгляды таких философов, как Бердяев Н.А., Гессен С.И., Лосский Н.О., Степун Ф.А., Трубецкой С.Н., Шпет Г.Г. Проведенный анализ позволил автору выявить, что одним из ментальных оснований отечественной социокультурной мысли является отождествление философами своей личной и профессиональной судьбы, самопознания и познания, слияние социального и индивидуального в понимании отечественной истории и культуры в целом

Ключевые слова: менталитет, социокультурное знание

The article attempts through the analysis of opinions of Russian philosophers of the late XIX – early XX centuries to identify the mental foundation of domestic social and cultural thought of this period. The reason for the choice of period is the fact that most of the thinkers of that time he characterized as a crisis, a turning point. For Russian socio-humanitarian thought, the crisis has exacerbated deep social and political cataclysms caused by the October revolution. The failure of many Russian thinkers of the revolution resulted in the emigration that highlighted the theme of studying national mentality. We will make a reservation that article not attempted to conduct an analysis of the concept «mentality» and approaches to their definition. The article talks about the mental bases of national culture, secreted by the thinkers. Also discusses the mental characteristics of the individual thinkers that are seen in their views on Russian history, culture, mentality. The article discusses the views of philosophers such as Berdyaev N.A., Hessen S.I., Losskiy N.O., Stepun F.A., Trubetskoy S.N., Shpet G.G. The analysis allowed the author to reveal that one of the mental foundations of Russian socio-humanitarian thought is the identification of the philosophers of his personal and professional fate, self discovery and knowledge, the fusion of social and individual understanding of national history and culture

Key words: mentality, socio-cultural knowledge

Дорохова Татьяна Сергеевна

Кандидат педагогических наук, доцент
Уральский государственный педагогический
университет
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Dorohova Tatyana Sergeevna

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Ural state pedagogical university
Yekaterinburg, Kosmonavtov ave., 26

Характерной чертой современного гуманитарного знания является его интеграция. Исследования в области философии, истории, педагогики требуют взаимодополнения, взаимообогащения. Об этом как нельзя лучше сказала исследователь русской философии конца XIX – начала XX веков Т.Г. Щедрина: «Историки русской философии проникают сегодня к таким глубинным основаниям интеллектуального и культурного наследия, которые имеют самое прямое отношение к актуальной тематике современных гуманитарных наук (в том числе и педагогики)... В то же время и педагоги-исследователи для осмысления своих педагогических проблем все чаще и чаще обращаются к философскому опыту русских мыслителей. И этот живой интерес педагогической науки к русской философии есть, в каком-то смысле, показатель уровня ее культурной образованности. Поскольку речь идет об одних историко-культурных корнях, которые не могут сегодня игнорировать ни философия, ни, тем более, педагогика. Ведь... отношение к «национальной философии» для «национальной» школы – это показатель духовной зрелости этой школы» [1, с. 162].

Иначе говоря, философия, педагогика, история составляют ядро социогуманитарного знания, которое сегодня вызывает особый интерес ряда исследователей. Для него также характерно наличие понятий, имеющих межпредметный характер, с одной стороны, являющихся элементами языка каждой науки в отдельности, с другой – выполняющих интегративную функцию внутри социокультурного знания. К таким понятиям относятся «ментальность» и «менталитет».

Работ, посвященных исследованию менталитета и ментальности, существует немало, поскольку с древнейших времен они становились объектом пристального внимания ученых. Уже в эпоху античности философы (Демокрит, Платон) размышляли о менталитете, употребляя термин «душа» в качестве синонима термина «психика».

Однако сами понятия «менталитет» и «ментальность» в научный оборот были введены в конце XIX – начале XX веков, благодаря деятельности школы анналов (Ж. Ле Гоффа, Ж. Э. Лефевра, М. Блока) и других направлений социогуманитарной мысли (Л. Леви-Брюля, Р. Эмерсона, Ж. Дюби). В частности, по мнению М. Блока и Лефевра ментальность представляет собой некую исторически складывающуюся структуру, определяющую мысли, чувства, поведение людей, их ценности. В исторических реконструкциях ментальности обнаруживаются, прежде всего, как причина «отставания» или «сопротивления» переменам в социополитической и идеологической сферах (инерционность ментальности). Иначе говоря, ментальности, будучи носителями социокультурной специфики того или народа выполняют своеобразную охранительную функцию, не позволяя культуре активно трансформироваться под влиянием как внешних (интервенция), так и внутренних (реформы, революции) воздействий. По мнению

данных исследователей, в этом одно из основных предназначений ментальности [2].

Не смотря на широкий интерес со стороны ученых и явную значимость, единого подхода к определению понятий «ментальность» и «менталитет» не существует до сих пор. Это, обусловлено, во-первых, тем фактом, что указанные понятия являются объектом изучения различных областей социогуманитарного знания (философия, психология, история, социология, культурология, антропология лингвистика и т. п.). Во-вторых, отсутствием единой междисциплинарной системной теории, способной объединить поливариантные трактовки определения, структуры, динамики развития и механизма функционирования самого феномена менталитета / ментальности. Более того, в литературе встречается мнение, согласно которому выработать единый подход к определению рассматриваемых понятий не возможно в силу из сложности, многоаспектности и поликинцептуальности [3, с.120].

В данной статье под менталитетом будет пониматься сформировавшийся на базе социального и духовного опыта предыдущих поколений устойчивый комплекс основополагающих представлений и проявлений субъектов социума, ориентирующий и во многом детерминирующий общественное и индивидуальное сознание и поведение [4, с.15]. Среди представлений и проявлений, в свою очередь, можно отметить такие устойчивые константы, как жизненные установки, модели поведения, эмоции, настроения, системы взглядов, оценок, норм и умонастроений и т. д. Что касается понятия «ментальность», то ряд исследователей (в особенности это характерно для историков) употребляют его как синоним менталитета. Для некоторых же понятие «ментальность» находится в зависимости от понятия «менталитет» и представляет собой некий подвижный элемент, не только порождаемый, но и воспроизводимый под влиянием внешних обстоятельств, представленный национальной, социально-общественной, групповой и индивидуальной составляющими, который можно определить как личностную или социальную память человека или коллектива, свойственную только ему, характеризующую только его или его круг, слой, общество, народ, к которому он принадлежит [5]. Иначе говоря, мы придерживаемся концептуальных установок, согласно которым «менталитет» и «ментальность» соотносятся как общее и частное. Если понятие «менталитет» можно рассматривать на макроуровне (относительно народов и народностей), то «ментальность» – на мезо- и микроуровнях (относительно отдельных социальных групп и даже личности).

В данной статье понятие менталитет является для нас наиболее важным в контексте исследования отечественной философской мысли конца XIX – начала XX веков как источника информации о специфических чертах русского народа, отраженной в трудах таких авторов, как Н.А. Бердяев, Гессен С.И., Ф.А. Степун, Е.Н. Трубецкой, Г. Г. Шпет. Понятие ментальность представляет интерес в контексте изучения собственно личностей философов, отражения менталитета народа в их собственной ментальности, проявляющейся во взглядах, мировоззренческой позиции, умонастроениях.

Что касается указанного периода, то конец XIX – начало XX веков стал «знаковым», как для зарубежного, так и для отечественного социогуманитарного

знания. Это связано с кризисом, охватившим гуманитарные науки в этот период. Исследователи констатировали (и констатируют) его в философии, истории, педагогике (к теме кризиса философии обращались С.М. Соловьев, Л.М. Лопатин, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, Ф.А. Степун, С.Л. Франк, Г. Г. Шпет и др.).

Кризисные явления наблюдались и в исторической науке, что выразилось в переосмыслении «исторической проблемы, как проблемы принципиально философской и логико-методологической. И в западноевропейской и в отечественной социогуманитарной мысли рубежа XIX – XX веков эта проблема была своеобразной точкой коммуникативного напряжения и выражалась как в онтологических спорах вокруг вопроса: «Что такое история?», так и в попытках выяснения гносиологических корней и логических оснований исторического метода, в поисках критериев истинности исторического мышления. Эти проблемы пытались осмыслить и логически обосновать в своих трудах В. Дильтей, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Н.И. Кареев, А.С. Лоппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский и др.» [1, с.131].

В педагогике рассматриваемого периода также наблюдались проявления кризиса, попыткой выйти из которого стали создание по инициативе Г. Шпета при МГУ первого в России Института научной философии; и новый университетский устав, в разработке которого участвовал Н.О. Лосский; и новаторские для того времени программы ГУСА. Принципиально новые взгляды на педагогическую науку как прикладную философию отражены в «Основах педагогики» С.И. Гессена [6].

Выход из этих кризисных тупиков многие философы видели в том, чтобы «восстановить, вернуть утраченную целостность тому, что в XVII в. было расколото на дихотомии типа: «гуманитарное – натуралистическое», «духовное – телесное», «культурное – природное», «ментальное – мозговое», «рациональное – аффективное» [7, с. 50].

Таким образом, кризис, проявившийся на рубеже XIX – XX веков в отечественной философии, истории, педагогике, активизировал дискуссии по наиболее проблемным направлениям социогуманитарного знания, дискуссии, анализ которых до сих пор позволяет исследователям открывать новые грани изучаемых явлений. Одним из таких проблемных и одновременно чрезвычайно перспективных направлений, на наш взгляд, является исследование ментальных характеристик различных народов.

Вернемся к анализу отечественной социогуманитарной мысли периода конца XIX – начала XX веков. Следует отметить, что в основу русской социогуманитарной традиции был положен фундаментальный принцип, предполагающий духовный рост и обогащение этой традиции через обращение к историческому опыту отечественной культуры, естественным образом включавшей в себя и религиозные идеи, и моральные установки, и принципы социального устройства общества [1, с.38]. Отечественные мыслители обращались к изучению ментальных оснований культуры. При этом одной из специфических черт русской социогуманитарной мысли было своеобразное отождествление себя, своей личности с профессиональной деятельностью. Например, Г.Г. Шпет писал:

«философия не есть нечто, стоящее сбоку или по пути, не есть и средство развлечення, а есть определенная форма самой жизни с вечным углублением и совершенствованием, что для целого общественной жизни такая форма не менее, а более еще необходима, чем те формы, которые на первый взгляд стоят ближе к повседневной заботе человека. Бросить философию, значит бросить жизнь» [8, с.88].

По словам Н.А. Бердяева «Бытие философа – погруженность его в существование предшествует его познанию, и познание его совершается в бытии, есть совершающийся в его существовании акт. Философия не может начать с пустоты, с выключения я философа из бытия, с лишения его всякого качества существования. Философу не удастся выведения бытия из подсознания, ему может удалиться лишь выведение познания из бытия. И трагедия философа разыгрывается внутри самого существования... [9, с. 233]. А Л.И. Шестов об этом заявляет еще более прямолинейно: «Видно я осужден судьбою на философию. Чуть пожелаю изменить ей, – меня сейчас к ответу зовут» [1, с. 39].

Трагические судьбы отечественных мыслителей после революции (в особенности в эмиграции) доказывает, что они отождествляли себя не только с философией, но и с Россией как объектом познания и одновременно источником самой философской мысли, а свою судьбу с судьбой России. Их личностное становление неразрывно связано с историей страны, ее взлеты и падения они переживали, как свои собственные.

Отождествление отечественными мыслителями конца XIX – начала XX веков личной и профессиональной жизни, индивидуального и социального, позволяет нам предположить, что для отечественной социогуманитарной мысли характерно некоторое отождествление самопознания и познания. Познавая Россию, русский национальный характер, ученые, по сути, познавали себя. Эту мысль, как нельзя лучше выразил Г.Г. Шпет – «Мы начинаем с памяти, с «преданий», мы видим свой мир сквозь «пыль веков», «преданья старины глубокой» – для нас подчас единственный источник и всегда близкий и необходимый» [10, с. 196].

Е.Н. Трубецкой, обращаясь к исторической проблематике, рассматривал ее в непосредственно экзистенциально-мировоззренческом контексте, в силу чего его исследования часто разворачивались в форме воспоминания, личностно окрашенного наблюдения. Точно также многие другие русские мыслители рассматриваемого периода стремятся не просто исследовать прошлое, выявить, проанализировать и зафиксировать те или иные события, но «воспроизвести самое сокровенное – внутреннее содержание жизни, вспомнить уже не события, а чувства и мысли, казалось бы, навсегда забытые и утраченные» [1, с. 92].

Для русских философов того времени память, воспоминание и сопряженное с ним самопознание личности стали не отвлеченным объектом интеллектуального рассуждения, но экзистенциально окрашенным, приобретающим оттенки субъективности («экзистенциальная биография» Н.А. Бердяева, «воскресение через воспоминание» Л.П. Карсавина, «анамнез о потерянном рае» Л.И. Шестова, «автобиография и философия» П.А. Флоренского) [1, с. 92].

При этом каждый из отечественных мыслителей начала XX века в своем идейном пространстве был уникален, так как пытался по-своему осмыслить культурно-историческую специфику России, ее ментальные основания. Очень интересно в контексте ментальности звучит в русской философии идея соборности. Следует сразу заметить, что разные мыслители понимают ее по-разному. Так, Г.Г. Шпет рассматривает ее в традиционном (С.Н. Трубецкой, В.С. Соловьев, Л.М. Лопатин) для русской философии контексте исследования феномена коллективности, социальности. Булгаков выделяет так называемую «натуральную» соборность, которая воплощается в народе, классе, человечестве, государстве. Фактически речь идет о формах социальной организации, о формах человеческой жизни, как о формах соборных. Но анализ взглядов данных мыслителей на проблему русской соборности позволяет выявить и нечто общее, а именно отношение к ней, как неотъемлемой составляющей русской культуры. В их оценках проступает осознание себя самих частью этой самой соборной культуры.

Невозможно выявить ментальные основания социокультурной мысли рассматриваемого периода без анализа взглядов тех или иных авторов на славянофильство и западничество. Отчасти это связано с тем, что данная тема является одной из наиболее проработанных в отечественной гуманитарной науке. Отчасти – с тем, что славянофилы и западники вели чрезвычайно интересную дискуссию о России, русском национальном характере в первой половине XIX века. По сути, они впервые настолько остро поставили вопрос о судьбе России, о влиянии ее прошлого на настоящее и будущее, о необходимости поиска наиболее подходящих для нее путей развития, о зависимости выбора «пути» от национальных (в нашем случае можно сказать ментальных) особенностей русского народа. Т. е. западники и славянофилы впервые столь остро обозначили и попытались разрешить те проблемы, которые особенно волновали мыслителей конца XIX – начала XX веков.

К оценке славянофильства и западничества в конце XIX – начале XX веков обращались С.И. Гессен, Ф.А. Степун, Г.Г. Шпет и др. Но, что вполне естественно, оценки данных явлениям они давали различные. Так, Ф.А. Степун, не видит какого-либо значительного влияния Запада на отечественную культуру. «Европейский характер основанной Петром империи доказывается, в первую очередь не влиянием Европы на Россию ..., а тем живым общением между Западом и Россией, которое началось сразу же после раскрытия Петром окна в закрытый до тех пор заморский мир» [11, с. 573]. Обращаясь к славянофильству, автор связывает его с судьбой русской философии (как ранее отмечалось, по мнению большинства мыслителей рассматриваемого периода, неразрывно связанной с их собственной судьбой). При этом он полагает, что русская философия вырастает «из русской почвы», имеет свои собственные сильные культурные традиции, не зависящие от западной философской мысли [9, с. 798]. А, следовательно, и будущее русской философии, как и культуры в целом связано, прежде всего, с национальной традицией, иначе говоря, связано с русскими ментальными основаниями.

В оценках Г.Г. Шпета, славянофилы с их постоянным стремлением оглядываться назад попросту «не хотят» найти своего места в истории, а западники его (это место) так и не указали. Сам Г.Г. Шпет не противопоставляет западное и восточное начало в отечественной культуре, скорее он отмечает их со-развитие в истории нашей страны, а соответственно – со-влияние. В этом специфика российского менталитета, которая, безусловно, сказывается на развитии культуры России и должна стать основой ее культурного возрождения.

Таким образом, в отечественной социогуманитарной мысли конца XIX – начала XX веков явно прослеживается идея самобытности, уникальности русского народа, что можно выразить словами представителя славянофильства Александра Кошелева: «Назвать нас следовало не славянофилами, а в противоположность западникам, скорее туземниками или самобытниками» [12, с. 100]. При этом следует отметить, что данная самобытность понималась мыслителями рассматриваемого периода, не только в контексте истории всей страны, но и в контексте своей личной истории. Не случайно их жизнь в эмиграции оказалась чрезвычайно тяжелой (не столько в материальном, сколько в духовном плане). Уехав из России, они, как будто потеряли «духовный источник», который питал их мысли а, по сути, и их жизнь.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, отечественная философская мысль рассматриваемого периода развивалась в тесной взаимосвязи с историей и педагогикой, тем самым взаимообогащаясь и находя собственные пути выхода из системного кризиса, охватившего как русское, так и европейское социогуманитарное знание конца XIX – начала XX веков. Во-вторых, среди ментальных оснований русского народа, выделяемых такими мыслителями, как Бердяев Н.А., Гессен С.И., Лосский Н.О., Степун Ф.А., Трубецкой С.Н., Шпет Г.Г. и др., можно отметить соборность, понимаемую не столько как религиозное явление, сколько как характерное для русского народа коллективное социальное начало; а также самобытность (которая, по мнению мыслителей рассматриваемого периода характерна как для западников, так и для славянофилов). Наконец, в-третьих, на наш взгляд, одним из основных ментальных оснований отечественной социогуманитарной мысли является отождествление философами своей личной и профессиональной судьбы, самопознания и познания, слияние социального и индивидуального в понимании отечественной истории и культуры в целом, что становится чрезвычайно актуальным в наши дни.

Список используемых источников:

1. Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 391 с.
2. Дорохова Т.С. Мобильность как один из компонентов профессиональной ментальности социального педагога // Педагогическое образование в России. 2014. №4. С. 119-122.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 174 с.
4. Емелькина И.В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль. Автореферат диссертации. М., 2011. 53 с.
5. Пушкирев Л.Н. Что такое менталитет? Исторические заметки // Отечественная история. 1995. №3. С. 158-166.
6. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.

7. Холтон Дж. Что такое антинаука // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26-58.
8. Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 688 с.
9. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
10. Шпет Г.Г. Письмо к Н.К. Гучковой от 24 (11) июня 1912 года // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 719 с.
11. Степун Ф.А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1000 с.
12. Кожин В.В. О главном наследии славянофилов // О русском национальном сознании. М.: Алгоритм, 2002. С. 100-125.

References:

1. Shchedrina T.G. Archive of an era: the thematic unity of Russian philosophy. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. 391 p.
2. Dorokhova T.S. Mobility as one of the components of professional mentality of a social pedagogue // Pedagogical education in Russia. 2014. №4. P. 119-122.
3. Block M. Apology of history or the craft of the historian. M.: Nauka, 1986. 174 p.
4. Emelkina I.V. The Russian mentality: the nature, the scope and social role. An abstract of the thesis. M., 2011. 53 p.
5. Pushkarev L.N. What is the mentality? Historical notes // National history. 1995. №3. P. 158-166.
6. Hesse S.I. Fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy. M.: School-Press, 1995. 448 p.
7. Holton J. What is antinuke // Questions of philosophy. 1992. № 2. P. 26-58.
8. Shpet G.G. Thought and Word. Selected works. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2005. 688 p.
9. Berdyaev N.A. The philosophy of the free spirit. Moscow: Respublika, 1994. 480 p.
10. Shpet G.G. Letter N.T. Puchkovi 24 (11) June 1912 // Gustav Shpet: a life in letters. Epistolary heritage. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2005. 719 p.
11. Stepun F.A. Works. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 1000 p.
12. Kozhin V.V. On the main heritage of Slavophiles About the Russian national consciousness. M.: Algorithm, 2002. P. 100-125.

© 2015, Дорохова Т.С.

Ментальные основания отечественной
социокультурной мысли конца XIX – начала XX вв.

© 2015, Dorohova T.S.

The mental Foundation of domestic social and
cultural thought in the late XIX – early XX centuries